

Рождественская история

Влада
Ольховская

Влада Ольховская

Рождественская история

«Влада Ольховская »

2022

Ольховская В.

Рождественская история / В. Ольховская — «Влада Ольховская », 2022

Одинокaя девушка, за которой присматривает стеклянный ангел. Молодая пара, которая изo всех сил старается построить семью без любви. Гений, который старательно пытается спрятаться от собственных родственников. Старушка с идеальной интуицией. Пятидесятилетний мужчина, уверенный, что он слишком стар для счастья. Юная вдова, которая надеется на чудо. Все они даже не догадываются, что их жизни однажды изменятся благодаря рождественской магии – которой, конечно же, не существует. Роман основан на одноименной пьесе, которая отмечена дипломом XIII Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» и победой в Международном конкурсе современной драматургии «Время драмы».

© Ольховская В., 2022

© Влада Ольховская , 2022

Содержание

Глава 1. Яблоко в карамели	5
Глава 2. Кашемировый туман	11
Глава 3. Метель	16
Глава 4. Карусель	20
Глава 5. Тепло	24
Глава 6. Заварной крем	29
Глава 7. Колокольчик	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Влада Ольховская

Рождественская история

Глава 1. Яблоко в карамели

– Ангел, вот честно, никому не нравится. Нужно было вместо него сову сделать. Совушки всегда хорошо продаются, – доверительно сообщила девушка, стоявшая по другую сторону заставленного стеклянными фигурками столика. – Ангел – это эксперимент был, как пойдет... Никак не пошло. Уродливый он, ангел-то.

Ангел действительно был один – крошечная светлая фигурка среди круглоглазых сов, пузатых медвежат и широко улыбающихся котятков. Пришелец, робкий в своей очевидной непохожести. В нём и ангел-то узнавался с трудом. Чувствовалось, что мастерица пока что работала со стеклом неуверенно, и маленькая елочная игрушка проигрывала в деталях. Это птичек и зверюшек можно было сделать мультяшно условными, чтобы их будущим хозяевам понравилось. От ангела, очевидно, ожидали чего-то большего: то ли величия, то ли возвышенности.

Но фигурка вышла грубоватой. Круглое тельце, большая голова, синие капельки-глаза, доверчиво разглядывающие мир. Носа нет – затерялся на круглом личике, не получился. Зато есть несмелая улыбка того, кто очень хочет всем помочь, но не знает, как. Волосы выются кудряшками и почти сливаются с волнами лимонно-желтого нимба. Ручки, обозначенные двумя кругляшами без пальцев, тянутся к миру. Крылья разного размера, одно еще и кривое, на таких не летаешь.

Маленький, улыбчивый, никому не нужный уродливый ангел.

Он почему-то сразу привлек внимание Юны. Она не собиралась задерживаться возле столиков, просто прогуливалась по ярмарке мастеров, чтобы отвлечься от мрачных мыслей. Но здесь взгляд сам собой зацепился за ангела, будто попытавшегося обнять весь мир.

Создательница ангела не обманула: его игнорировали. Иногда молча, иногда – называя страшеньким в ожидании того, пока сову или котика завернут в упаковочную бумагу – чтобы дорогая стеклянная игрушка ручной работы благополучно доехала до своей елки.

В этой всеми признанной дефективности и приговоре без права на обжалование звучало нечто до боли знакомое, отзывавшееся в душе единственно правильным решением.

– Я заберу его, – сказала Юна.

– Да ладно! – удивилась девушка. – Вы серьезно?

– А что, это частая тема для шуток?

– Нет, просто... Я была уверена, что придется попытаться его переделать, как-нибудь...

Не знаю, как...

– Во что переделать? – полюбопытствовала Юна, разыскивая в рюкзаке кошелек.

– В сову, конечно!

Конечно. Кто бы сомневался.

– Думаю, мир не рухнет без еще одной совы. Сколько он стоит?

– Обычно я таких за две тысячи продаю, но этого уступлю за тысячу, раз уж вы меня от него освободили!

Юна сдержанно улыбнулась, достала из кошелька две тысячные купюры и положила на то место, где лежал ангел. Создательница игрушки заметно смутилась: она привыкла к тому, что предложение заплатить меньше вызывало бурную радость, и не знала, как реагировать на иное поведение.

– Подождите, давайте я его вам заверну! – предложила она, заметив, что Юна собирается уходить.

– Не нужно. Мы с ним и так справимся.

Среди столиков с товарами ручной работы пахло сладостью (кто-то привез пироги), пряностями (от глинтвейна по бабушкиному рецепту) и сандалом (можно было купить два брусок мыла по цене одного – в подарок!). Зато на улице возвращалась привычная морозная свежесть, в которую с удовольствием шагала теперь Юна. Стекланный ангел грелся в кармане и, скорее всего, думал о том, что не такой уж он и уродливый.

Декабрь вошел в город широким шагом – как барин, вернувшийся в родовое поместье после дальней поездки. В роскошной белоснежной шубе, расшитой серебром. С подарками: елками, и сиянием огней, и музыкой. С обещанием того, что дальше будет лучше, зима ведь всегда щедра в своем начале. Ярмарки распускались на улицах крупными яркими цветами. У каждой было свое настроение – и своя толпа, пульсирующая в ней жизнью. Подростки, которым было интересно посмотреть на модные штучки, любопытствующие миллениалы, которые искали среди ручной работы то, что невозможно повторить, пенсионеры, придирчиво изучающие ценники на распродажах, семьи с детьми или все сразу.

Среди людей Юна думала не о себе, а о них. Так сейчас было проще, она словно наполнилась их жизнью, разговорами и заботами. Хотя и в одиночестве был свой шарм: возможность просто замереть и наблюдать за тем, как преображает город снежная пелена.

Впрочем, спокойствие длилось недолго. Как только пейзаж стал привычным и ничто уже не отвлекало внимание, в памяти снова мелькнуло грубоватое лицо с глазами цвета первого льда: серого со стальным отливом.

– Ничего не получится, вы должны признать это. Признание – оно к лучшему.

Юна досадливо поморщилась, стараясь отогнать воспоминание, как назойливое насекомое. Не вышло. Но разве с назойливыми насекомыми этот трюк хоть раз срабатывал? Воспоминание клубилось вокруг нее в воздухе, обретало объем, из прошлого протягивало щупальца в ее будущее.

– Наверно, я кажусь вам очень жестоким человеком, Юлиана. Извините, если так. Но не в моих принципах развлекаться белой ложью. Думаю, ваше положение давно уже стало предельно ясным, и к этому нужно приспособиться...

Юна огляделась по сторонам, прикидывая, куда бы еще пойти. Возвращаться к мастерам ручной работы не хотелось, там она уже все увидела. Зато впереди золотилась фонарями и гирляндами другая площадка – большая, с аттракционами, кафе и собственной сценой. Там должно стать легче... Да и навес там есть, это важно: декабрь понемногу начал отсыпать новую порцию снега.

Смена обстановки помогла, Юне нравилось наблюдать за хохочущими детьми, за которыми бегали встревоженные матери, за ростовыми куклами, раздающими буклеты, и за влюбленными парочками, которые грели руки в общих рукавицах. Кафе, оформленные под сказочные деревянные домики, манили чаем из самовара, расписными пряниками и щедро посыпанными разноцветными кристалликами сахара крендельками.

После некоторых сомнений Юна все же отдала предпочтение яблоку в карамели. Яблоко было большим, как планета, и гладким благодаря сладкому малиновому слою, обхватившему его после купания в пузатом котелке. Вокруг яблока в воздухе клубился пар и пахло детством – теми самыми конфетами, которые Юна с восторгом находила когда-то под елкой. Она этого момента весь декабрь ждала и очень возмущалась скупердяйству родителей, которые, вообще-то, могли бы радовать девочку почаще...

Теперь она могла купить себе конфеты в любой день, сколько угодно и какие угодно. Но оказалось, что счастье было совсем не в них.

Хотя в малиново-красном яблоке немножко счастья еще осталось. Вопрос был в том, как его получить. Изящно, как отдыхающая от хлопот дама, откусывать не выйдет, великоват плод. Нож и вилку продавцы не предусмотрели, только палочку, вогнанную куда-то к самому ядру яблочно-карамельной планеты. Юна справедливо рассудила, что чужое мнение ей не очень-то важно, и кое-как приноровилась к круглому яблочному боку.

В этот момент закон подлости не заставил себя долго ждать. Это только новогодние чудеса происходят раз в год, если вообще удосуживаются заглянуть. Закон подлости на дежурстве все четыре сезона. Когда Юна уже успела вымазаться в малиновой карамели, но не успела сделать укус, ее окликнул знакомый голос.

– Юлька, ты? Надо же! Сто лет не виделись, а ты опять жуешь!

Подсознание подсказывало ей, что за этим голосом во внутренних архивах не хранится ничего хорошего. Память в этих архивах нервно рылась, пытаясь отыскать нужное имя. Но прежде, чем Юна хоть что-то вспомнила, перед ней появился молодой мужчина со смартфоном и характерным щелчком камеры выдал, что именно он делает.

Яблоко пришлось поспешно выплевывать, радости в нем не осталось никакой.

– А тебя какие черти принесли? – ворчливо поинтересовалась Юна, торопливо вытираясь салфеткой.

– Почему сразу черти? Ты всегда так бывшим одноклассникам радуешься?

– Нет. Только тем, которые норовят сфотографировать меня с яблоком во рту, как поросенка на праздничном столе.

– Юль, ну не злись, реально же смешно!

В том, что ему действительно смешно, Юна не сомневалась. Любовью к неудержимому хохоту Семен Казаков отличался еще в школьные годы. Он вполне справедливо рассуждал, что нет смысла придумывать сложные шутки, когда есть возможность похохотать над забавным человеком, неожиданным падением или даже поднятым пальцем, если настроение слишком уж хорошее. В ту пору Юна в его картине мира играла роль человека толстого, а потому смешного, так что после выпускного была рада исчезнуть из Семиного мира незатейливой комедии. Встречи выпускников она игнорировала как явление, а потому действительно не виделась с Казаковым очень давно.

Теперь же, когда бывший одноклассник стоял прямо перед ней, она вынуждена была признать, что время пошло ему на пользу. Жаль, конечно, что оно не подкорректировало смех, который больше подошел бы гиене, а не человеку, и не привило ему чувство юмора. Зато время умудрилось слепить из невзрачного тощенького мальчишки красивого мужчину. Судя по тому, как Семен старательно обтягивал спортивной курткой безупречный рельеф мышц, о своих преимуществах он знал.

Насмеявшись, он повернул смартфон к Юне и показал фото, где в центре внимания было яблоко, но просматривалось и окружившее фрукт лицо, мало напоминавшее не то что Юнино – человеческое.

– Нравится? – поинтересовался Казаков с таким гордым видом, будто чихнул на чистый холст, а получилась «Мона Лиза».

– Покажи-ка...

Он протянул телефон ближе, а Юна только этого и ждала. Она по-кошачьи ловко перехватила устройство и сделала несколько шагов от столика. Семен, не ожидавший такого, замер в растерянности, потом нахмурился. Он решил осторожно прощупать почву:

– Э, да ты чего? Отдай!

Но пока его подмерзший разум пытался разобраться, что к чему, Юна невозмутимо удалила фотографию из основного альбома, а потом и из корзины. Лишь после этого она вернула смартфон владельцу.

Если Семен и был задет, то не сильно, он предпочел видеть в ситуации лучшее:

– Раньше ты мне по колену вдарить норовила, а теперь вот цивилизованно действуешь – растешь!

– Если это вернет тебе сладкие воспоминания детства, я могу тебе втащить.

– Не надо! – поспешно отказался Семен. – Ты ж красивая тетка теперь... Ну правда, ты изменилась с тех пор! В правильную сторону, прям видно, что много смогла.

Это был явный комплимент, предсказуемый и грубоватый, без тайного умысла. Но даже его оказалось достаточно, чтобы вытянуть из памяти то самое навязчивое воспоминание. Белый кабинет, мужчина, разглядывающий Юну серыми глазами... Она не была для него женщиной, изменившейся в лучшую сторону. Или вообще женщиной. Или человеком. Он смотрел на нее, а видел ничто, которое по недоразумению оказалось перед ним и ненадолго заняло пространство...

Семен не мог догадаться, о чем она думает, он вряд ли вообще заметил ее задумчивость. Бывший одноклассник продолжал вещать:

– Я тоже изменился – персональным тренером стал. Видишь мышцу? Во-о-от! Но тебе такую не обеспечу, тебе и не надо, я женщин не тренирую, потому что мускулистая тетка – сомнительная радость. А еще я в соцсетях инфлюэнсер! Знаешь, кто это такой?

– Знаю, – рассеянно отозвалась Юна, пытаясь освободиться из плена белого кабинета. – Давай прогуляемся?

– Ты яблоко разве доедать не будешь?

– Не буду. Можешь забрать.

– Вот еще! – фыркнул Семен. – Пустые калории! Кстати, о правильном питании я тоже рассказываю, у меня свой канал. Знаешь, сколько у меня подписчиков? Ты не поверишь!

Он тут же показал ей свой аккаунт. Юна не запомнила число подписчиков, но согласилась, что она никогда такому не поверила бы. Семен флиртовал с ней с той же решительностью, которая в школьные годы диктовала ему незатейливые шутки. Тут не важно было, что он говорит, важен был голос, взгляды, подмигивания и стремление приобнять.

Юна прекрасно понимала, на что он намекает. Решение она еще не приняла. Сейчас ей нравилось оставаться в вечернем мире огней рядом с человеком, у которого, похоже, не было забот, кроме пустых калорий и людей, весивших чуть больше, чем ему хотелось бы. Семен, со всеми своими недостатками, все равно был воплощением жизни как таковой – простоватой, подчиненной основным инстинктам и неудержимой, как лавина, сносящая любые стены. Юна уже знала, что к концу прогулки бывший одноклассник будет беззастенчиво напрашиваться к ней в гости. Она прикидывала, что ему ответить.

На заледенелой дорожке Юна поскользнулась, на ногах устояла, но в бок ей осторожно стукнуло что-то маленькое и твердое, лежащее в ее кармане. Ангел. Маленький уродливый ангел, спасенный от насильного превращения в сову, ткнулся в нее, как живое существо. Он словно намекал, что не нужно так поступать – приглашать постороннего человека к себе, душить воспоминания в чем-то примитивном, неправильно это...

Юна запустила руку в карман, чтобы почувствовать ангела, не доставая его. Холодное стекло нагрелось от близкого тепла ее тела. Вот круглые ручки, кривые крылышки... Даже если бы ангел пытался ее вразумить, что он вообще знает? Его босс уже подвел Юну. Ангел утратил право голоса.

– Ну так что, тут становится холодно и шумно, а мы, как друзья детства, еще не наговорились, – подмигнул Юне Семен. Он, видно, решил, что пришла пора кульминации. – Как насчет того, чтобы... Ты смотри-ка!

Его мягкое воркование сменилось радостным воплем настолько резко, что Юна даже вздрогнула. Проследив за взглядом своего спутника, она обнаружила, что такой бурный восторг у Семена вызвала фотозона.

Фотозона была самая обычная: пухлый улыбчивый Санта-Клаус, утягивающий куда-то наряженную елку, мешок, подарки, эльфы и прочая сказочная фауна. Таких в городе уже хватало, и особенностью этой оставалось лишь то, что ее пока не закончили. Из-за незавершенности композиции казалось, что Санта-Клаус решил выйти из образа вечного добряка, расшвырял эльфов елкой и теперь выбирал, кого бы придружить.

И даже в этой атмосфере праздничного хаоса Юна не находила ничего, достойного восторга, пока ее спутник не сорвался вперед. Видимо, Семен очень ответственно подходил к ведению своего канала и снимал эффектные кадры при любом удобном случае. Такое важное дело он даже Юне не доверил и уже перевел телефон в режим селфи.

Семен устроился в объятиях Санта-Клауса, заняв место елки, приготовился толкнуть речь, которая в его голове уже наверняка была признана забавной, когда что-то пошло не так. Юна не поняла, что именно, она просто заметила, как мужчина перестал улыбаться от уха до уха и даже нахмурился. Ну а потом, едва Семен попытался двинуться, все стало на свои места.

Он прилип к Санта-Клаусу. Или Санта-Клаус прилип к нему, тут уж вопрос философский. В любом случае, пузатый гигант не желал выпускать персонального тренера из крепких дедовских объятий. При этом Санта оказался то ли пластиковым, то ли пенопластовым – под шубой и не разглядишь, но малый вес выдавало то, как легко Семен сдвинул его с места.

Пока что ситуация оборачивалась безнадежной ничьей. Семен метался по площадке, спотыкался то о подарки, то об эльфов, но вернуть себе свободу не мог. Санта-Клаус же оказался не в силах удержать свою новую буйную елку на месте и просто висел на ней огромным кулем. Со стороны они неумовимо напоминали спаривающихся черепах.

Несколько придавленная этим зрелищем Юна никак не могла сообразить, что происходит, пока рядом не оказались парни, отлучившиеся за кофе. Теперь они стояли рядом и тоскливо наблюдали за тем, как Семен пытался доказать пластиковой кукле, что у них все было несерьезно.

– Он же клеем намазан, – простонал один из парней.

– Санта? – удивилась Юна. – Зачем?

– Чтобы елку не сперли. В прошлом году дважды умыкнуть умудрялись. В этом году мы приклеить собирались к Санте, а Санту – к площадке прикрутить... И теперь вот...

– Вы намазали его клеем и бросили?

– Нам сказали, что так клей лучше схватится, если чуть-чуть обождать...

Что ж, их явно не обманули: клей схватился отлично.

– Да как его отловить вообще? – растерялся ответственный за Санту.

Тут Юна сжалась над парнями и в успокоении Семена помогла. Как-то в детстве ей пришлось ловить и возвращать в сарай перепуганного поросенка. Тогда она еще не знала, насколько полезным окажется этот опыт...

Дальше персональному тренеру предстояло проявить чудеса гибкости и выскользнуть из куртки, пока двое парней удерживали на весу радостно ухмыляющегося Санту. Семен умолял свою спутницу дождаться, чтобы вечер все же завершился, как он это охарактеризовал, фейерверком. Но Юна признала, что никакая выдержка не позволит ей изгнать из памяти образ Семена, оседланного толстяком в красном. Семен на это оскорбленно указал, что кое-кто – дура. Юна согласилась, что он очень даже может быть прав, однако увиденное это не отменяет.

Так что домой она шла одна – под крупными пушистыми хлопьями снега, в свете фонарей сиявшими золотом. Мир на спящих улицах был усталым и чистым. Сюда не пробирались никакие воспоминания – ни смешные, ни жуткие. Их перевешивало удивление.

Юна достала из кармана стеклянного ангела, и тот преданно уставился на нее синими каплями глазок.

– Это ведь не ты устроил? – недоверчиво спросила она. – Господи, я, по-моему, схожу с ума... Хотя какая уже разница? Если это действительно ты и ты на какой-то прямой связи со

своим боссом, передай ему... Пусть займется поскорее всем остальным. Потому что без него я, похоже, уже не справлюсь...

Глава 2. Кашемировый туман

Саша очень старался, и в этом была проблема. Нет, он не делал это старание демонстративным, но Таня давно научилась замечать все, что нужно. Взгляд, который удерживается в нужной точке лишь усилием воли – как у школьника, которому происходящее на уроке совершенно неинтересно, однако опасения перед учителем не дают поглядывать в телефон. Натянута улыбка, вроде как дружелюбная, и все равно можно заметить, как сведены в явном усилии уголки губ. Напряженная поза, будто Саша сейчас в тренажерном зале и взял дополнительный вес.

Это раздражало. Таня не понимала, что с ним происходит, а он не признавался и на откровенные разговоры не выходил. Она ведь только в этом году прошла психологический тренинг, посвященный тому, как правильно построить серьезные отношения. Таня внимательно слушала все лекции и сохранила все анкеты. По анкетам они с Сашей были отличной парой, а в реальности это почему-то не работало. Таня даже подумывала обсудить все с наставником, однако этот лысый пройдоха за индивидуальную консультацию брал чуть ли не больше, чем за весь курс.

Так что пока Таня готовилась со всем справляться сама. Они же неплохо общались до того, как начали встречаться, приятельствовали, Саша слушал ее и искренне смеялся над ее шутками... А потом, когда они стали парой, что-то изменилось в худшую сторону и без особой причины. Это задевало и оскорбляло, однако сдаваться Таня была не намерена. На тренинге говорили, что найти человека, который тебе подходит, – уже половина дела. Если бы она сейчас удрала, пришлось бы начинать с нуля, да еще и Новый год встречать в одиночестве, а это совсем уж неприятно.

Поэтому то, что Саша старается, она предпочла воспринимать как добрый знак. После работы они встретились в небольшом ресторанчике, уже погрузившемся в атмосферу праздника. Под потолком были подвешены маленькие дизайнерские елочки, парившие в пространстве, как золотые феи. Блюда подавали на английском фарфоре, расписанном в рождественских традициях. На столах стояли вазы с сосновыми ветками, палочками корицы и апельсинами, украшенными гвоздикой. Этот свет, этот аромат, приглушенная музыка из колонок – все должно было пробудить в Саше желание тепла и домашнего уюта.

А Саша будто все внимание сосредоточил на том, чтобы с него улыбка не сползла.

Таня подавила раздражение, наклонилась вперед и опустила обе руки поверх рук своего спутника.

– Саш, что происходит? Ты какой-то усталый сегодня... Посмотри, весь мир праздновать готовится!

Они заняли столик у окна, из которого открывался великолепный вид на площадь. А там и правда разворачивался к вечеру маленький новогодний карнавал. За это Таня всегда любила декабрь: месяц непрекращающегося праздника.

– Новогодняя загрузка, ничего необычного, – пожал плечами Саша. – Не обращай внимания, все... Все в порядке.

Насчет порядка он, конечно, знатно привирал, но Таня уже сообразила, что правду из него не вытянет. Значит, придется вытягивать из кого-то другого... Из его брата, например. Иван был значительно старше Саши, младшего вырастил и относился к нему скорее как отец. Таню в роли невесты Арбатов-старший уже одобрил, он будет на ее стороне.

Только вот поговорить с Иваном раньше завтрашнего дня не получится, а Таня все еще надеялась спасти этот вечер. Она кивнула на двух малышек лет пяти-шести, очаровательных и золотоволосых, как ангелочки. Пока родители наслаждались ужином, дети беззастенчиво

носились с воплями между столиков, но мальчик и девочка были настолько милы, что им все прощалось.

– Смотри, какие хорошенькие, – мягко произнесла Таня. – Прости за банальные мечты, но мне нравится думать, что у нас с тобой тоже так будет – уют, спокойствие, любовь наших маленьких...

Образ был красивый, Саша даже бросил заинтересованный взгляд на детей. Однако дети словно не желали подыгрывать: как раз в момент, когда Саша явно задумался о счастливом отцовстве, мальчик все-таки врезался в чей-то стол. Стол пострадал больше: опрокинулись бокалы с вином, хлынули по белоснежной скатерти алые и белые потоки, свеча потухла, а апельсин перекатился на паштет, размазывая липкое месиво по новогоднему зайчику на тарелке. Ребенок при этом не ушибся, но быстро сообразил, что сюсюкать с ним сейчас перестанут – видно, ему было не впервой попадать в такие ситуации. Мальчик сработал на опережение и взвыл паровой сиреной. Девочка, на пару секунд растерявшаяся, решила, что разумнее всего будет проявить родственную солидарность, и тоже разоралась.

Уют облетел с вечера, как шелуха.

– Надеюсь, у нас все же будет не совсем так, – усмехнулся Саша.

Таня затаилась, ожидая, разозлится он или нет. Мечтать о принце было намного легче, чем отлавливать его, ей теперь постоянно приходилось тренировать терпение.

Но на этот раз обошлось. Саша наблюдал за вопящими детьми скорее с легким сочувствием и любопытством, чем с раздражением. Да и мелких быстро заткнули вручением им двух расписных леденцов на палочках. Заткнуть людей, облитых вином, оказалось сложнее, но это были проблемы ресторана.

У вечера еще был шанс вернуться на путь романтики. Таня была обворожительна. Саша старался. Но прежде, чем восстановилась новогодняя магия, снова начался переполох.

На сей раз суетились не в ресторане, а на улице. Таня сперва не поняла, что случилось, а потом присмотрелась – и глазам своим не поверила. Какой-то недоумок умудрился застрять в объятиях большого пластикового Санта-Клауса. Мужчина метался по площадке испуганным лосем, а пухлый гигант будто катался на нем, вполне довольный жизнью. Вокруг внезапного родео уже собиралась толпа, люди привычно запускали видео на смартфонах – без этого сейчас никуда.

Саша снимать ничего не собирался, но смотрел теперь только вниз – а не на свою спутницу. Таня уже десять раз пожалела, что выбрала столик у окна, но кто ж знал, что в этот день недоумки будут на выгуле? Ей только и оставалось, что ждать, пока закончится шоу.

Внезапно Саша отшатнулся от окна, как ошпаренный, и заметно побледнел. Это было настолько странно, что Таня, давно потерявшая интерес к брачным играм Санта-Клауса, прильнула к стеклу. Но там как раз стало скучновато: несколько парней и молодая женщина отловили возлюбленного манекена и теперь пытались разлучить эту оригинальную пару. Никто не пострадал, ничего пугающего не произошло...

– Саш, с тобой все в порядке? – нахмурилась Таня.

– Да, я... Давай уйдем.

– Это не похоже на «в порядке».

– Голова закружилась, – признал Саша. – Может, прогуляемся?

Не тянул он на нежную барышню, теряющую цвет лица от легкого головокружения. Но ничего объяснять Саша не собирался, а догадаться было невозможно. Прогулка, пожалуй, помогла бы, вот только в ресторан Таня приехала сразу со съемки – в сапожках на умопомрачительном каблуке. Смотрелись они великолепно, но при попытке пройти по заледенелым улицам грозили тремя переломами со смещением. Как минимум.

– Давай лучше ко мне. – Таня бросила многозначительный взгляд на своего спутника. – Поужинаем там... Да и снегопад обещали.

– Как хочешь, – отстраненно отозвался Саша, раздумывая о чем-то своем.

Вот ведь зараза... Таня не могла сказать, что обычно так уж хорошо его понимала, но сегодня он казался особенно далеким и... чужим, что ли.

Ничего, у нее был и план Б. Она в любом случае надеялась привести гостя к себе домой, там, на ее территории, все обязательно будет хорошо.

Саша сам вызвал такси и потащил ее к выходу, причем дальнему и неудобному. Сотня лишних шагов на каблуках. Таня сначала даже не поняла, зачем это, а потом сообразила: Саше хотелось покинуть здание так, чтобы точно не оказаться на площади, где только что катали Санта-Клауса.

– Да что ты там такое увидел? – не выдержала Таня.

– Ничего, просто с этой улицы уезжать удобней, меньше риск попасть в пробку...

Он даже не пытался убедительно соврать, просто говорил то, что могло быть правдой при определенном раскладе. Сдерживать раздражение становилось все сложнее.

Вопреки Шашиной гениальной стратегии, в пробку они все же попали, но это к лучшему. У Тани появилось время, чтобы успокоиться и подавить желание придушить своего спутника новогодней гирляндой. Саша ее медитации не мешал, он сидел рядом, но смотрел в пустоту, Таня будто осталась в машине одна. Водитель такси наверняка решил, что они поссорились, и всю дорогу сочувствующе пыхтел в руль, отказавшись даже от рассуждений о политике и тайнах мироздания.

В своей квартире Таня снова готова была действовать. Она быстро накрыла на стол, достала из стратегических запасов бутылку отличного вина, зажгла свечи и выключила свет.

– Дождись меня, котик, – проворковала она на ухо Саше. – Мне нужно... переодеться.

Он лишь рассеянно кивнул. Вряд ли он уловил обещание, скрытое в слове «переодеться».

Уже было ясно, что толкового ужина не будет. Непонятно, что так повлияло на Сашу, но он стал еще более замкнутым, чем раньше. Таня знала только один надежный способ отвлечь мужчину в таком состоянии.

Она ушла в свою спальню, поспешно расстелила кровать, сбросила платье и стала перед зеркалом, прикидывая, что бы добавить. А ничего, все и так замечательно: ее фигуру не нужно было прикрывать, черное кружево подчеркивало аристократичную бледность кожи, чулки и ожерелье усиливали эффект намеренного соблазнения, игры, театра... Таня достала из шкафа туфли на шпильке, она любила законченные образы. Ноги, уставшие за долгий день, отчаянно протестовали против такого решения, однако она успокаивала себя тем, что это ненадолго. В полумраке зимней ночи она была настолько прекрасна, что даже Саша не выдержит и наверняка вернется в настоящий момент.

Перед тем, как покинуть спальню, она взяла с комода духи и выпустила на кожу облако аромата. «Кашемировый туман», настроение зимы, соблазн холодных ночей. Сандал, ваниль и амбра. Кашемировое дерево. Жасмин и ландыш – как напоминание о нежности весны и горячей страсти лета. Духи становились завесой, закрывающей от обыденности квартиры, уносящей в волшебный мир хотя бы ненадолго.

Таня вошла на кухню медленно, грациозно. От бедра, как ходила по подиуму. Она делала все, чтобы каблуки не портили эффект козлиным цоканьем. Она позволила золотому свету свечей пролиться на нее, она беззвучно выскользнула из мрака, как нимфа, порождение иного мира.

Саша, конечно, услышал, заметил, понял, чего она ждет. Тяжело вздохнув, он поднялся из-за стола, улыбнулся и направился к полуобнаженной девушке. Он протягивал к ней руки, ничего не говорил, он готовился обнять ее, как обычно... Только это уже не имело никакого значения для Тани.

Он. Тяжело. Вздохнул.

Может, в другой день и при других обстоятельствах Таня еще смогла бы это выдержать, но сегодня она и так стерпела слишком много. Вздых стал той пресловутой каплей, переполняющей чашу. Понятно, что за принцев нужно бороться, но всему же есть предел!

Поэтому, когда Саша попытался ее обнять, она оттолкнула его, замерла, упираясь руками в бока. Поза получилась далеко не эротичная и требовала сменить кружевное белье на застиранный халат, но Тане сейчас было плевать.

– Это что было? – поинтересовалась она, щедро смазав каждое слово змеиным ядом. – Ты что вздыхаешь так, будто на рудники собрался?

– Пошутить про шахту сейчас можно или неуместно?

– Я тебе сейчас голову оторву! – пообещала Таня. – Значит, я для тебя повинность?!

– Таньчик, солнце, не злись... Да я вообще не о тебе думал сейчас!

Он считал, что от этих слов станет легче. Таня оглянулась по сторонам, вспоминая, куда убрала ножи.

– Не обо мне? Не обо мне?! Я тут перед ним марширую в трусах! Во французском кружеве! А он думает не обо мне и еще вздыхает, когда его от важных размышлений половым сношением отвлечь собираются!

– Таня, да все не так было...

– Верно тут только «все не так» – весь вечер! Ты не со мной. А вот с кем, мне интересно? Неужели с этой толстухой своей?

– С кем? – растерялся Саша. – С какой еще толстухой?

Растерялся он искренне, значит, выстрел пролетел мимо цели. Таня знала, что по работе он много общается с какой-то толстой девицей – видела их вместе пару раз. Но сейчас Саша действительно не мог сообразить, о ком речь. Таня решила убедиться, просто на всякий случай:

– С этой твоей, многодетной – Олей или как ее?

– Оля... При чем тут Оля?

Нет, точно не Оля. Слишком уж ошалелый у Саши вид. А если бы действительно думал о своей толстухе – был бы виноватый. Но кто тогда сумел его отвлечь? Таня отказывалась верить, что на свидании с невестой он отвлекся на налоги или проект капитального ремонта. С мыслью о женщине сбивает только другая женщина. Только вот кого он умудрился завести? И когда? В том, что он работает, как проклятый, и сомневаться не приходилось. В постоянной зоне видимости у него только толстуха Оля, и это точно не она.

Нужно будет поговорить с Иваном, этот точно все про младшего братца знает. Но уже не сегодня, и не только потому, что поздно. Таня чувствовала: на этот день лимит ее терпения исчерпан. Если Саша со своим извиняющимся взглядом и дурацкими объяснениями задержится чуть дольше, им все же придется узнать, в состоянии ли человек пережить удар сковородой по голове.

– Просто уйди, – велела Таня. – Немедленно!

– Тань, ну правда...

– Вон, я сказала!

Он больше не спорил. Посмотрел еще виновато, но это так, для приличия. К выходу он рванулся вполне бодро, словно рад был уйти.

Таня не собиралась отказываться от него, но перерыв ей был необходим. Когда отпала необходимость изображать роковую красотку, она с удовольствием сбросила каблуки, прижала к лицу подушку и просто закричала – чтобы выпустить ярость, не пугая соседей. То, что по декоративной наволочке расползаются пятна косметики, не имело никакого значения, да и в зеркало Таня в ближайшее время заглядывать не собиралась. Хватит, насмотрелась уже!

В квартире по-прежнему царил темнота, из-за этого несложно было рассмотреть звезды, мерцавшие за окном в ясном зимнем небе. Таня, до этого метавшаяся по комнате, ненадолго остановилась и, глядя на них, объявила:

– Я просила принца! Нормального принца, а не подделку из подпольного цеха! Я понимаю, что их мало, но я же с детства просила... Разве я не дождалась своей очереди? Ай, да ну тебя!

Таня не верила, что ее на самом деле кто-то слышит. Просто порой не так уж страшно пожаловаться кому-то – чтобы утром снова перестать верить в чудеса и взять дело в свои руки.

Глава 3. Метель

Только бы успеть. И тогда все будет хорошо. Если бы только успеть...

Друнин понимал, что это явное искажение логики и жонглирование фактами. Если он успеет, это гарантирует лишь одно: он не пропустит свой рейс. Всё. Никакого счастья, покоя и уж тем более праздничного настроения за своевременным вылетом не скрывалось. Но порой, чтобы справляться с реальностью, ее нужно разбивать вот на такие маленькие этапы и победы.

Снегопад усиливался, дороги чистить не успевали, и машины проскальзывали, а некоторые так и застыли на обочине – столкнувшиеся, окруженные пестрым конфетти битых фар. Их водители и пассажиры, вопящие друг на друга, явно не оценили возможность неожиданных знакомств перед Новым годом.

– Ух, погодка балует! – с непонятным восторгом объявил таксист. – А ничего ж такого не обещали!

– Да уж, – сухо отозвался Друнин.

– Я вот как думаю... Это все последствия того самого! – Таксист обернулся и сделал страшные глаза, явно желая подчеркнуть степень ужаса, скрывающегося за неведомым *тем самым*.

Друнин не был впечатлен.

– На дорогу смотрите, пожалуйста.

– Да я эту дорогу как свои пять пальцев знаю!

– Не думаю, что среди ваших пальцев неожиданно появляются новые, представленные снегоуборочной техникой... Да осторожней же!

– Ух, елки! – Таксист вывернул руль, в последний момент уходя в сторону от рыжей громады снегоборщика. Это скорее развеселило его, чем отрезвило. – Я везучий, вы не переживайте! Так вот, вы хотели узнать про то самое...

– Не хотел.

Но таксист его уже не слушал, маховик теории заговора набирал обороты.

– Это все последствия зеленой энергетики! Нам же ее втюхивают как полезную, девочек там всяких слюнявых показывают, графики рисуют... А правда в том, что «зеленка» эта меняет климат! Вот двигатель мой – ну что с него беда? Ну, пустил чуток дыма и жара в воздух, все развеялось – и конец. А «зеленка» эта что? От солнечных панелей постоянно жар идет, ветряки гонят ветер так, как не было задумано, реки нормально не текут... Вот и меняется климат! Мы все умрем!

Далее таксист приступил к перечислению подробностей всех сценариев неизбежной смерти. Друнин уже не слушал, он смотрел в окно – на стремительно сереющий от метели мир. Снежные хлопья становились больше, прилетали все чаще, как стая белых бабочек, сбившаяся с пути. За кружевной завесой постепенно стирались строгие линии домов и даже обочины дорог.

Это было плохо – и не только потому, что машина продвигалась издевательски медленно, продлевая сольное выступление таксиста. Друнин прекрасно понимал, что еще час такого снегопада – и со взлетами возникнут проблемы. Мысль о том, что он останется здесь, пробирала до дрожи.

Он ведь так радовался, когда подвернулась эта возможность! Научная конференция – прекрасный вариант, два в одном. Во-первых, уважительная причина оказаться подальше от дома, никому ничего не объясняя. Это же конференция, международный уровень, как вы не понимаете?! Во-вторых, там обещали действительно интересные лекции и дискуссии. Достаточно важные для того, чтобы Друнин думал только о них и не думал обо всем остальном. Можно даже телефон отключить... И вот Друнин уже не мерзкий старикашка, не трус и не

подонок, просто телефон был отключен, поэтому он никому не ответил и про всех забыл. Такое часто бывает!

Таксист прервал его мрачные размышления объявлением:

– А вот и аэропорт! Я ж говорил, что домчу, как на крыльях!

Друнин не стал уточнять, что кое у кого крылья, как у пингвина – природой обозначенные, но на редкость бестолковые. Пассажир наклонился вперед, выглянул между кресел, надеясь различить тот самый аэропорт. Но за лобовым стеклом мелькала только густая снежная дымка, украшенная разноцветными всполохами огней.

В принципе, уже это делало ситуацию безнадежной. Но Друнин почему-то позволил себе держаться за надежду, как последний дурак. Где это новогоднее чудо, когда оно так нужно?

Он расплатился с таксистом, протащил чемодан сквозь снежные заносы и поспешно укрылся в зале ожидания. Табло вылетов, конечно же, было расчерчено красным – неумолимые объявления о задержках и отменах. Рейс Друнина пока обещали лишь задержать, а вот насколько – не уточняли. Крупные хлопья снега, насмешливо бьющиеся в стекло, намекали, что надолго.

Друнина сейчас раздражало решительно все. Елки, расставленные к месту и не к месту. Сотрудники кафе в красных колпаках с белыми помпонами – детский сад какой-то! Представительница авиакомпании, которая так и не смогла толком объяснить, есть ли шансы на вылет. Друнина не покидало чувство, что все они издеваются над ним, намекают, что, если он не сумеет сбежать сейчас, ему придется утонуть в болоте всех этих навязанных торжеств и нелепых праздников.

Он ждал, сколько мог – до тех пор, пока созданный метелью полумрак дня не сменился ранней темнотой вечера. Снега становилось не меньше, а больше, как и людей, застрявших в зале ожидания. Зал для VIP-персон не спасал, толпа привилегированных тоже распухала, а в дверях еще и периодически появлялись какие-то женщины с детьми, заявлявшие, что они многодетные матери и им можно. Внутри их никто не пропускал, но шум усиливался.

Друнину пришлось сдаться. Поднять белый флаг, отступить – с робкой надеждой на то, что снегопад ослабит хватку и улететь получится через день-другой. Но не сегодня, это уже нужно признать. Возможность ночевки в аэропорту угнетала даже больше, чем срыв планов, и Друнин отправился домой.

Снова полагаться на такси он не собирался: даже из замеченного мутной пеленой окна можно было разглядеть, как машины беспомощными льдинками скользят через снежную кашу. Друнина не прельщали ни такие аттракционы, ни новые рассуждения о том, как ветряки наследуют землю. Поэтому в город он предпочел вернуться на экспрессе.

После гудящей суеты аэропорта его приняла точно такая же гудящая суета вокзала. Обычный гул толпы – да еще и новогодние бонусы, мишура, от которой глазам больно, и нелепые песенки... Друнин просто смирился с этим – как невинно осужденный, приговоренный к пытке. Себя он мог успокоить только тем, что хуже уже не будет.

Зря он об этом подумал, конечно. Вроде и много лет на свете прожил, не раз в эту ловушку попадался, а вот не сдержался. Едва Друнин уверовал, что уже достиг дна, как гул толпы ножом разрезал бодрый голос:

– Папа!

Папами в толпе наверняка были многие, и пока еще не было гарантии, что обращаются именно к нему. Но Друнин не дал себе обмануться. Голос он узнал, да и обращение это, папа, было для него сродни скрипа пенопласта по стеклу. Чуждое, несвойственное ему, как оскорбление, за которое нельзя упрекнуть. Хуже может быть только...

– Дедуля!!!

Да, и она здесь. Полный набор. Объявление его дедулей прозвучало еще громче – и сказано было еще более радостным голосом, прямо-таки бурлящим восторгом. Друнин мало-душно прикинул, успеет ли он добежать до стоянки такси, но быстро отказался от этой идеи.

Ему сегодня не везет, это нужно признать. Никак иначе не объяснишь, что он столкнулся с этими двумя именно сейчас и здесь – в месте, где его быть не должно. В многомиллионном городе, ну каковы были шансы! Похоже, там, наверху, кто-то решил над ним поиздеваться... А если так, попытка бегства закончится лишь тем, что Друнин поскользнется и его будут долго выкапывать из сугроба. Тоже семейное мероприятие, в принципе.

Поэтому Друнин призвал все смирение, на которое был способен, и повернулся к зовущим его голосам. Конечно же, никакой ошибки не было. К нему спешили именно те люди, от которых метель не позволила ему улететь.

– Папа, как удачно! – просияла Рина, останавливаясь перед ним. Удачно ей, как будто издевается!..

А Леля и вовсе ничего говорить не стала. Она налетела на Друнина увесистым пушечным ядром, обняла с удивительной для подростка силой, и на ногах им обоим удалось удержаться лишь чудом.

– Хватит меня тискать! – нахмурился Друнин. – Ты уже почти взрослая женщина, что за телячьи нежности?

Но Леля не поддалась:

– Дед, не ворчи, я просто рада тебя видеть!

Пока он пытался отлепить от себя Лелю, Рина обнаружила сиротливо притаившийся среди снегов чемодан. Радости у нее мгновенно поубавилось.

– Папа, это что такое? Ты что, собирался улететь?

– Не, просто люблю по городу с чемоданом гулять. Тренирует руки, развивает координацию.

Леля, не ожидавшая такого поворота, наконец отстранилась – хоть что-то хорошее произошло. Ну а ее обиженный взгляд Друнина не удивил, сразу было ясно, что этим все закончится.

– Папа, надеюсь, ты не собирался улететь на Новый год? – подозрительно прищурилась Рина. – Даже не предупредив нас?

– Нет, – невозмутимо соврал Друнин.

– А куда ты летел? И когда?

– Почему сразу летел? Может, я только с поезда?

– Потому что ты не упустишь шанс вознестись над жалкими людишками, – рассудила Леля.

– Глупости какие! И вообще, это все не важно. Я никуда не лечу – и никто никуда не летит, пока не кончатся эти снегопады, тут все очевидно.

Он был уверен, что на этом случайная встреча закончится, но Рина от его слов заметно просияла, словно услышала долгожданную новость. Друнин насторожился: если мироздание решило поиграть с ним, оно так просто челюсти не разомкнет.

– Папочка, это же здорово! Волшебное! Ты – решение всех наших проблем!

– Дед, это будет так круто! – добавила Леля.

– В чем дело? – осторожно поинтересовался Друнин.

– Я все никак не могла найти, с кем оставить Лелечку, – доверительно сообщила Рина. – Шестнадцать лет ребенку – вроде и няньку нанимать поздновато, но и одну бросать нельзя. А вот оставить с родным дедом – другое дело!

– Сразу нет.

– Папа!

– Куда вы вообще намылились в такую метель? – удивился Друнин. – Аэропорты не работают, сказал же!

– А нам аэропорт и не нужен. Компания, в которой я работаю, решила обычный корпоратив заменить неделей отдыха в загородной усадьбе. Туда можно и на машине, и на электричке добраться.

– Богато нынче банки живут! Так возьми с собой дитя, я тут при чем?

– Только для взрослых, – пояснила Рина. – Можно пригласить одного человека, и я беру Мишика.

– Я не против, – указала Леля. – Им полезно вдвоем побыть, а я рада буду с любимым дедулей потусить! Сколько мы уже не виделись?

– Мы не просто так не виделись, – напомнил Друнин. – Я очень занят, я постоянно работаю. В моей квартире даже тараканы не приживаются, потому что там голод, холод и разруха.

– Вот Леля и проследит, чтобы ты не мумифицировался в каком-нибудь темном углу, – парировала Рина. – Она у нас девочка самостоятельная, готовить умеет, путь в магазин найдет.

– Что ж ты тогда ее одну не оставишь?

– Потому что неправильно это – чтобы ребенок накануне Нового года один оставался. А вот с родным дедушкой – совсем другое дело!

– Дед, соглашайся, ну что ты в самом деле? – подмигнула ему Леля. – Разве ты не видишь, как все сложилось? Мы с мамой только что спорили, ехать ей или нет, а тут вдруг ты! Именно в этот момент! Это больше, чем случайность.

– Да уж, – криво усмехнулся Друнин, предчувствуя скорое поражение. – Похоже, это была все-таки не метель, а судьба.

Глава 4. Карусель

Они договорились встретиться у карусели. Предложил это Антон, место было популярное – особенно для свиданий. А Юна попросту не нашла повода отказаться. Потому что она взрослая женщина, открытая новым знакомствам. Вроде как неловко признать, что на ней по-прежнему висит груз воспоминаний, способных утянуть ее в черную пустоту за прорубью. Антону это не нужно, он другого ищет.

Он – имя и лицо из мобильного приложения. В приложениях теперь можно заказать что угодно, от сосиски в тесте до любви всей твоей жизни. Впрочем, на любовь Юна особо не надеялась, она прекрасно знала, что нужно Антону. Теперь оставалось убедить себя, что это нужно и ей.

– Не осуждай, – велела она стеклянному ангелу, наблюдавшему за ней с комода. – Мне осточертело приходить в пустой дом. От этого становится только хуже. Да и вообще, мне уже официально сказали, что я – человек конченный. Какой смысл держаться за мораль?

Ангел поселился на комод, потому что новогодней елки в доме Юны не было – да и не предвиделось. Оставалось загадкой, зачем ей вообще понадобилась елочная игрушка. Но раз уж так сложилось, Юне нравилось думать, что у нее есть сосед по комнате, с которым можно поговорить.

На этом странности должны были закончиться, да не сложилось. Не до конца осознавая, что делает, Юна перед самым выходом вернулась к комоду, забрала ангела и положила в карман. Уже в кабине лифта торжественно признала себя дурой и утешилась мыслью, что Антон все равно не будет обыскивать ее карманы, так что не страшно. О ее позоре узнает только ангел, но он молчаливый.

Юне не хотелось приходить раньше, она опасалась оставаться наедине с каруселью. Но Антон ей жизнь не упрощал: когда она добралась до места встречи, он прислал сообщение о том, что опоздает минут на десять. И целую толпу смайликов – видимо, чтобы ей было не одиноко ждать.

Теперь она дожидалась кандидата в любовники перед вращающейся под переливы колокольчиков каруселью и старалась поверить, что это для нее ничего не значит. Детей здесь не было – аттракцион предназначался для взрослых. Многие почему-то стеснялись кататься, как будто это сразу отрывало солидный кусок от их репутации. Но другие, особенно влюбленные пары, обожали все эти расписные сани, разноцветных лошадок, оленей с ветвистыми рогами и необъяснимо миролюбивых волков. На карусели хохотали, делали фото и целовались, не стесняясь никого и ничего.

Сначала Юна видела только это, а потом все как-то само собой изменилось. Кроме реальных людей на аттракционе теперь мелькали тени, два золотых силуэта – он и она. Некоторое время просто ходили, выбирали, говорили о чем-то и смеялись. Шутки на гениальные не тянули, но тем двоим было все равно. Их объединяло странное, с детства забытое чувство, что они на одной стороне, а весь мир – на другой. Только они способны понять друг друга, и не страшно, что смешно...

Они выбрали синюю лошадь с золотой гривой. Девушка легко взлетела в седло. Ее спутник остался рядом, хотя она указывала на плывущего по волнам карусели волка. Ему не нужен был волк – и кататься было не так уж важно. Ему хотелось остаться достаточно близко, чтобы держать ее за руку...

Воспоминания хотелось подавить, а они прожигали любые преграды раскаленным металлом. У счастья из прошлого неизменно остается слишком большая власть, грозящая болью в настоящем.

– Приве-е-ет! Ты, должно быть, Юлиана?

Незнакомый голос уничтожил золотые силуэты, обратив их в гаснущие искры. За это Юна была готова простить ему то, что он подкрался незаметно и завопил на ухо слишком громко. Порой даже чужая глупость способна стать нужным якорем.

– Я, – подтвердила Юна, отворачиваясь от карусели.

Антон оказался тем случаем, когда заказ в интернете идеально соответствует реальности. На фото он себе не польстил, он и в жизни был ухоженным и вполне привлекательным мужчиной. Может, даже слишком ухоженным, но это дело вкуса. Антон и сам понимал, что ему достались тонкие, несколько женоподобные черты, и старался уравновесить их усами и бородой. Длинные ресницы, обрамлявшие карие глаза, он скрывал за очками в толстой черной оправе. Он постоянно улыбался, демонстрируя великолепные белые зубы.

Он отлично подходил на роль человека, которого можно пригласить домой в день знакомства. Этого Юне хотелось даже больше, чем говорить с Антоном сейчас. Чтобы было, на кого отвлечься, чтобы не снилось больше... всякое.

Но Антон пока не представлял, что ему не нужно напрягаться ради достижения главной цели обитателей того мобильного приложения. Пока Юна оценивала его, он тоже оценивал Юну. Его улыбка стала чуть шире, он явно решил, что ради такой девушки можно и постараться.

– Покатаемся на карусели? – предложил он. – Ну а что? Новый год же скоро! Прикольная штука, только в этом году установили!

– В прошлом, – автоматически поправила Юна.

Почему-то вдруг стало холоднее, и она спрятала руки в карманы, чтобы согреться. Пальцы скользнули по стеклянным крыльям, словно напоминая, что она не одна на свидание пришла. От предложения хотелось отказаться, да и вообще поскорее уйти, но Юна пересилила себя.

Если сбежать сейчас, эти воспоминания так и будут гоняться за нею. А вот если заменить их новыми... Может, так будет лучше? Юне придется видеть эту карусель дальше – до конца праздников. Так пусть рядом с золотогривым конем появляются образы ее и Антона, а не те призрачные двое, которые давно уже не имеют никакого значения.

Юна снова казалась жизнерадостной. Она умела притворяться, да и ее спутник не знал ее достаточно хорошо, чтобы заподозрить неладное.

– Знаешь, это отличная идея!

– Хорошее начало, – одобрил Антон.

Они направились к медленно вальсирующей карусели. Музыка здесь становилась громче, огни – ярче, и пахло близкой сладостью, должно быть, карамелью от лотка с попкорном. Юне казалось, что она погружается в мир вечного праздника, где забот просто не существует, они приснились и ей, и остальным. Канун Нового года существует исключительно для того, чтобы наслаждаться моментом, все, что было, уже не важно, оно потеряло цену...

Держаться за эту веру получалось крепко, по-детски наивно – но лишь до того момента, когда карусель сломалась. Едва Юна ступила на вращающийся круг, как он вздрогнул и начал замедляться. Лампочки жалобно мигнули и угасли, музыка захлебнулась неожиданными басами и сникла. То, что пару секунд назад было пульсирующим воплощением праздника, теперь превратилось в угрюмую декорацию для фильма о потерянном детстве.

Люди удивились, посыпались вопросы, кто-то уже возмущался, кто-то снимал на мобильный даже это. Непонятно, зачем. Просто по привычке.

Юна не возмущалась, она почувствовала неприятный холод внутри. Рука снова скользнула в карман, к стеклянному ангелу. Захотелось сжать пальцы сильнее – чтобы игрушка обратилась в бессмысленные и кровавые осколки, но Юна сдержалась. Это просто совпадение, ничего больше.

– Быть не может, – только и сказала она.

– Бардак, да? – возмутился Антон. – Ничего наладить не способны!

– Может, скоро запустят? Просто электричество пропало?

Отвечать Антону не понадобилось: прямо перед ними рухнула одна из фигур с карусели. Достаточно далеко, чтобы никого не задеть, но достаточно близко, чтобы Юна смогла разглядеть синюю лошадь с золотой гривой.

Печальная судьба карусели подтвердилась, посетителей попросили на выход. Можно было отвлечься на другие аттракционы, которые такая участь не постигла. Но Юне этого не хотелось, а Антон не настаивал, он выбрал для них кафе и даже отыскал столик прямо за новогодней елкой.

Он пытался расспросить Юну о ее жизни, у нее не было настроения говорить, однако Антона это только порадовало. Он был не против поболтать о собственной работе в маркетинге, об увлечении фотографией, верховой ездой и еще чем-то – к этому моменту Юна потеряла нить разговора. Она думала не о том, что он говорит, а о том, что он милый. Общепринято милый, неплохой. Откровенно утверждающий, что большой любви он не ищет, а ищет постоянную любовницу, потому что – ну надо. Он хотя бы честен. Да и Юна ведь сюда пришла с определенной целью, все сходится. Ради цели можно и потерпеть, и ко многому себя приучить...

Так что Юна была готова после ужина пригласить его к себе, но тут с елочной ветки скатилась игрушка. Сама по себе скатилась, Юна сидела достаточно близко, чтобы увидеть это. Может, где-то поезд метро проехал, и вибрация сбила игрушку с ветки, может, сквозняк постарался.

В самом падении игрушки не было ничего примечательного: она, пластиковая, крепкая, разве что потеряла пару блесок, это не помешало бы ей вернуться на елку, но тут запустился эффект домино. Игрушка подкатилась напрямик под ногу официантке, которая, не ожидая такого коварства, продолжила идти дальше. Но по игрушке идти дальше не получилось, девушка оступилась, испуганно ойкнула и начала заваливаться. Ближайший посетитель среагировал молниеносно: подскочил со своего места и поймал официантку на лету.

А вот поднос он поймать не сумел, да и не пытался, потому что поднос определенно проигрывал по привлекательности девушке. Содержимое подноса, представленное глинтвейном и салатом, пестрой волной накрыло часть столика, за которым сидела Юна, и полностью – ее спутника. Антон теперь был мокрым и замысловато инкрустированным овощами.

Этого оказалось достаточно, чтобы начались перемены. Из оболочки менеджера, фотографа и ценителя живописи Ван Гога неожиданно вылез базарный торговец, обложивший официантку такими словечками, что даже Юна, со всем ее клубным опытом, почерпнула для себя кое-что новое. Отшучиваться Антон не желал, успокаиваться – тем более, и даже предложенная подоспевшими администраторами компенсация не уняла его боль. При этом он был не в состоянии объяснить, что же ему, собственно, нужно, он словно не мог решить для себя, расплакаться или и дальше брызгать слюной с настойчивостью автополива на лужайке.

Сначала Юна еще пыталась унять его, объяснить, что все не так уж страшно. Даже предлагала пойти к ней домой, где можно все исправить. Но Антон хотел не домой, а на поле боя. В конце концов Юна сдалась, оставила на столике плату за заказанный чай и ускользнула в ночь. Антон этого так и не заметил. Его дальнейшие впечатления Юну тоже не интересовали, поэтому номер несостоявшегося возлюбленного она сразу отправила в черный список.

Стеклянный ангел из кармана переместился на ее ладонь и летел теперь через горящую огнями ночь, восхищенно разглядывая мир сквозь пальцы.

– Слушай, а ты часом не одна из тех проклятых вещей, которые снимают в фильмах ужасов? – рассуждала Юна. – А то уж очень ты не по-ангельски действуешь! Или это все-таки знак? Господи, я говорю с куклой... Кстати, Господи... Если это твой босс, то как-то не вовремя он вписался за меня. Когда я еще что-то просила, меня никто не слушал, не слышал...

И никогда слышать не будет! Когда мне это было нужно, меня проигнорировали. А теперь, когда уже не нужно и поздно, началась мистическая мистика. Только знаешь, что? Спасибо, не надо, забыли!

Поток возмущений закончился лишь тем, что Юна поскользнулась и чуть не уронила ангела. Поймать успела, но это стало лучшим намеком на то, что злость на стеклянной фигурке лучше не вымещать. Не ангел виноват, что все просто сыплется в последние недели... Хотя какие там недели, месяцы, а скоро и год замкнется...

У ангела вообще задача простая: висеть на елке, однако ему и этого не позволили. Почувствовав внезапную симпатию к незаслуженно обиженному спутнику, Юна свернула к ближайшему елочному базару. Тащить с собой елку она по-прежнему не собиралась, просто выбрала самую пушистую сосновую ветку, какая только нашлась на окруженном ароматом хвои участке.

Продавец не удивился, ему было не привыкать. Он обернул часть ветки обрывком журнальной страницы, чтобы Юна не укололась, и дежурно поздравил с наступающим. Для него это пока было таким же естественным, как для других – «здравствуйте» или «будьте здоровы».

Так что новогоднее настроение на какое-то время закрепилось – пока Юна ехала домой и подбирала вазу для ветки. Ваза нашлась, ангел обрел новый дом и теперь гордо оглядывал свои владения с высоты. Тут все могло и закончиться, вполне оптимистично, если бы Юну не угораздило посмотреть на журнальную страницу, которую она несла к мусорному ведру.

От страницы была оторвана часть – небольшой треугольник, забравший с собой фрагмент названия. Поэтому невозможно было догадаться, что там значилось изначально, о чем вообще была статья. Но из оставшихся трех слов по диагонали легко складывалась законченная фраза, теперь словно горевшая у Юны в руках живым пламенем, заставлявшая сомневаться и в реальности происходящего, и в собственном рассудке. Всего три коротких слова – но оказавшихся здесь то ли вовремя, то ли совсем не вовремя, кто уже поймет...

«Я тебя слышу».

Глава 5. Тепло

С Таней, конечно, некрасиво вышло. Саша и сам не понимал, как так произошло, думал, что сдержится, сумеет сосредоточиться на настоящем моменте. Обычно у него получалось. Но тут многое сложилось: его усталость, декабрь этот, напоминающий о прошлогодних событиях, а потом еще то, что он увидел на ярмарке... Он не справился.

Теперь придется извиняться. О том, что между ним и Таней все кончено, Саша и мысли не допускал. Он прекрасно знал, что Тане эти отношения тоже нужны, у нее свои планы. Если у двоих есть желание преодолеть конфликт, они справятся сами.

Жаль только, что не все это понимали. Уже по тому, с каким скорбным видом старший брат появился в его кабинет, можно было догадаться: Иван все знает. Получается, Таня успела нажаловаться... Это нехорошо, раздражает, но можно простить и догадаться, почему ее так задело вчерашнее.

Не дожидаясь приглашения, Иван заполнил собой миниатюрное гостевое кресло, появившееся в кабинете после ремонта.

– Дурацкая штука! – тут же заявил он.

– Это Оля выбрала, – указал Саша.

– Ну, зато красивая...

– Ты здесь для того, чтобы кресла задницей дегустировать?

– Нет, я здесь для того, чтобы ты думать задницей перестал, – проворчал Иван. – Ты хоть понимаешь, как тебе повезло с Таней?

Это Саша как раз понимал. Таня была прекрасна во всех отношениях: привлекательна, умна, не без чувства юмора. В отличие от типичных клубных охотниц за женихами, она сама неплохо зарабатывала, деньги не были ее главной целью.

Но и любовь тоже не была, такое Саша легко чувствовал. Он еще не до конца разобрался, ради чего Таня в это ввязалась, но уже мог предположить, что свою семейную жизнь она пыталась построить так же, как построила карьеру. Спокойно и методично.

Он был не против, даже радовался и старался подыграть. Просто получалось не всегда... а иногда совсем не получалось.

– Она сказала, что ты чуть ли не разрыдался, когда у вас до постели дошло. Это правда?

– Несколько преувеличила, – поморщился Саша. – В драматичную сторону. Чего ты вообще в это лезешь? Как поссорились, так и помиримся.

– Да уж не хотелось бы, чтобы ты ее упустил... Особенно после всего, что было.

Как раз «все, что было» тут и вмешалось. Саша подумывал рассказать о том, что увидел через окно ресторана. Тогда, может, Иван и понял бы, почему младший брат был выбит из колеи... А может, не понял бы. Иван сказал бы, что это всего лишь дурацкое совпадение и город не такой уж большой.

Лучше было не затрагивать эту тему, чтобы не волновать брата еще больше. В свои пятьдесят лет Иван смирился с тем, что семьи у него не просто нет, а уже и не будет. Он, кажется, и сам не понял, как так вышло. В молодости он был хоть и полноватым, но симпатичным гигантом и от недостатка женского внимания не страдал. Но тогда он считал, что жениться ему еще рано, ситуацию необходимо проанализировать, ко всему подойти с умом, для этого будет время... Время пролетело, а подходящий момент для анализа так и не наступил. Иван печально признал, что продолжение гордого рода Арбатовых теперь зависит исключительно от Саши, и парил над личной жизнью младшенького добрым грузным ангелом.

Саша же прекрасно понимал, что брат многое не договаривает. Хотя бы то, что и жениться, и наследником обзавестись смог бы, если бы захотел, возраст у него не самый впе-

чатляющий. Тут скорее кое-что другое мешает. Например, любовь к одной конкретной женщине, объявленной недоступной. И нежелание менять на кого-то даже мечту о ней.

Но, как и все сторонники строгого контроля, Иван предпочитал не заниматься своими делами, а лезть в чужие.

– Ничего я не упущу, – заверил его Саша. – Сегодня и помиримся.

– Купи ей что-нибудь!

– Спасибо, сам бы не додумался.

– И замуж позови, – велел Иван. – Пора бы.

– Э-э... А тебе не кажется, что ты торопишь события?

– Мне кажется, что ты их затягиваешь. Таня стала для тебя настоящим спасением – ты сам понимаешь, о чем я. Если упустишь ее, что ты будешь делать? В общем, я тему задал, а ты выгребай.

Словно желая подчеркнуть, что дискуссия окончена, Иван начал подниматься. Завершение даже могло получиться драматичным, если бы зад старшего из братьев не застрял в мини-атюрном кресле, которое не было создано для таких габаритов. Ивану пришлось возвращать себе свободу руками, да еще и старательно сдерживая проклятья – он ведь помнил, что кресло выбирала Оля.

Саша же просто наблюдал за ним с каменным лицом и планировал дальше скрывать тот факт, что кресло он притащил в кабинет сам как раз для таких случаев.

Наконец брат сумел покинуть кабинет, но уже не с таким победоносным видом. Теперь можно было свободно смеяться, ну а потом пришлось задуматься. Действительно, почему бы не решиться? Сделать предложение на Новый год. Очень символично, не придется потом отдельно годовщину праздновать. Ну а что любви нет... Так это вполне нормально. Лет в шестнадцать еще можно гнаться за чем-то таким, ну, или в двадцать. А после тридцати лучше включать голову.

Что же до того, что было раньше... Чем больше времени проходило, тем чаще Саше казалось, что это был всего лишь сон – или воспоминание, искаженное непонятно чем. Может, потерянное всегда кажется лучше, чем было на самом деле?

Но с этим можно не спешить – Новый год еще не завтра. Пока же Саша по соцсетям выяснил, где сегодня съемки у Тани, отправил ей роскошный букет из белых роз и через полчаса уже получил сообщение со смайликом-сердечком. Такой путь улаживания конфликтов его устраивал. Они с Таней без проблем договорились о новом свидании, и теперь Саша был намерен держаться за настоящий момент и не смотреть по сторонам, чего бы это ни стоило.

Так что старшему брату полагалось гордиться его решимостью, а Иван вместо этого сам все испортил. Минут за двадцать до того, как Саша готов был уходить, брат влетел в его кабинет с решительностью подстреленного кабана – так, что распахнувшаяся дверь едва стену не снесла.

– Если ты пришел меня убить и съесть, то напрасно, – заметил Саша. – С одобренной тобой кандидатурой я помирился посредством флоры. Над предложением о предложении еще думаю.

Однако Иван явно был не в том настроении, чтобы жонглировать словами. Он сумел выдохнуть лишь одно:

– Оля!

– Что – Оля?

– Упала... Оля...

Допрос с пристрастием и элементами пантомимы все же позволил вытянуть из Ивана более-менее понятную историю. Оля, заместительница и правая рука Саши, умудрилась поскользнуться во дворе офисного здания. А поскольку отличалась Оля умом и добротой, но

никак не ловкостью, приземление вышло совсем уж неудачным: подняться самостоятельно она не смогла.

За всем этим наблюдал из окна Иван, который с большим спокойствием перенес бы нажатие на красную кнопку, запускающую ядерные ракеты, чем это зрелище. Оля ведь и была той причиной, по которой он всюду твердил о собственном отказе от семьи. То, что он влюблен, было очевидно всем, кроме Оли. Она бы поняла лишь прямое признание, которое Иван уже запечатал под грифом «Слишком стар для нее» и прочими «слишком», ни одно из которых не было приятным. Обычно Иван держался с Олей подчеркнуто вежливо и по возможности избегал ее.

Но тут он остаться в стороне не мог. Он с удивительной скоростью вылетел во двор, утащил пострадавшую ассистентку в медпункт и так же быстро удалился. Не факт, что Оля даже успела сообразить, кто ее спас.

Теперь Иван настаивал, что пострадавшую нужно доставить в больницу, поскольку от местного медпункта толку мало, Скорая же будет добираться не меньше часа по снежным заносам. А Оленька страдает – что противоестественно и даже кощунственно. Спасти ее полагалось Саше, который от всей этой ситуации вконец ошалел и не понимал, при чем тут вообще он.

– Почему ее не можешь отвезти ты?

– Потому что я наговорю лишнего, – заявил Иван. – Или сделаю ей больно. У тебя такое лучше получается!

– Женщинам больно делать?

– Людям помогать!

– Мне для этого придется свидание с Таней отменить. Она, естественно, не поймет и откусит мне голову. А мне голова нужна – шапку больше носить не на чем.

– Ты издеваешься? – возмутился старший брат. – Твоя Таня уже имена ваших будущих детей придумывает, никуда она не денется, а Оля страдает! Иди быстрее!

– Просто так ты не отвертись: ты сам сообщишь Тане, во что меня втянул.

– Да-да, договорились, только иди уже!

Никакого сожаления из-за резкой смены планов Саша не испытывал. По своей воле он бы от ужина не отказался: если уж задумался о семье, нужно приучать себя работать над ней. Но если все сложилось само собой и его вины нет, можно не напрягаться. Просто совпадение.

К тому же, с Олей общаться куда веселее: рядом с ней не нужно напрягаться и прикидывать, что она подумает. Она казалась неизменно жизнерадостной, как будто непробиваемой. С ней случались те же беды, что и с остальными, и даже больше: она несколько лет назад потеряла любимого мужа, одна воспитывала двоих детей. Но Оля никогда не пыталась предъявить судьбе претензии и поддерживала тех, кто был слабее.

Она осталась верна себе и сейчас: Саша издалека слышал ее хохот.

– На ровном месте! Ногу сломать! Под Новый год! Это ж надо было!

И вроде как в ее словах не было ничего смешного, однако смех все равно получался настолько заразительным, что улыбались все вокруг. Жаль только, что в основном своем прогнозе Иван оказался прав: ничем толковым Оле помочь не смогли, только вкололи обезболивающее, остальное зависело от Саши.

– Давай подниму тебя, – сказал он.

– Ты что, надорвешься! – заволновалась Оля. – Я же кругленький поросенок! Возьми у завхоза тележку.

– Оля!

– Если что – я предупредила!

Несмотря на заметную полноту, Оля оказалась вовсе не такой тяжелой, как старательно анонсировала. Саша без труда поднял ее на руки и понес к машине. Он даже не сомневался, что из-за какой-нибудь занавески за ними угрюмым филином наблюдает его старший брат.

Обезболивающее работало плохо. Оля, пусть и терпеливая, то и дело ойкала, и хотелось вести машину ровнее, но из-за снежных заносов не получалось. Саша решил, что сейчас лучше отвлечь ее, больница-то ближе не станет.

– Я ведь надеюсь, ты возьмешь больничный?

– Из дома работать буду, ты не переживай, – тут же отчиталась Оля.

– Я за обратное переживаю скорее.

– Ну, бегать у меня в ближайшее время не получится... Я же за городом живу, добраться только на машине можно, а из меня тот еще водитель! Хотя некоторые без головы водить умудряются, какое там без ноги... Но работать я могу без проблем, а вот перед мелкими стыдно.

– Чего это тебе стыдно? – удивился Саша.

– Да я еще подарки толком не купила, так, наметила... Думала: успею, столько дней еще! Кто ж знал, что я себе такую услугу окажу?

– Олька, придумала, о чем переживать! Ты лучше о себе позаботься, а вопрос с подарками мы решим. Все твоим малым к Новому году будет!

– К Новому году не надо, мы на Рождество подарки дарим, – покачала головой Оля. – Это оставляет чуть больше времени, но вряд ли нога успеет срастись.

– А почему Рождество? Не знал, что ты религиозна. Можешь не отвечать, если хочешь.

– Дело не в религии. Просто Костя умер под самый Новый год, и мы... Мы как-то не празднуем.

Уж лучше бы дело было в религии... Саша и тогда почувствовал бы себя бестактным, но не настолько. О погибшем муже Оля говорила редко и мало, чувствовалось, что даже ее непробиваемой жизнерадостности не хватает, чтобы окончательно подавить боль.

Поэтому Саше следовало бы замолчать, закрыть тему, а он просто не смог, вопрос сорвался будто бы сам собой...

– Слушай, Оля... Как ты вообще поняла, что уже замуж пора? Ты же явно не ошиблась... У тебя все было так, как надо – по любви...

Оля имела полное право обидеться – или даже стукнуть его, если очень уж хотелось. Саше полагалось отвлекать ее, а он, кажется, сделал только хуже. Но Оля не была бы собой, если бы не сумела улыбнуться даже теперь.

– А что, жениться надумал? На Белоснежке своей?

– Почему Белоснежке?

– Похожа, – рассудила Оля. – Я бы не рекомендовала, но ты поступай как знаешь.

– Почему не рекомендовала бы? Ванька, вон, готов меня в мешок запихать и в ЗАГС отнести...

– Он хочет для тебя, как лучше, но не факт, что как лучше сделает. Понимаешь, я тебя видела с твоей Белоснежкой... Вы с ней держитесь как представители какого-нибудь министерства на приеме. Всегда красивые, спинки прямо, следите за позой и улыбаются, как надо. Но если любишь, тянешься к тому, кто рядом. Не только физически, психологически тоже. Знаешь, почему?

– Просвети меня, что уж тут...

– Потому что рядом с любимым человеком тепло.

– Слишком романтично для меня, – фыркнул Саша. – Я такого не понимаю.

Оля бросила на него хитрый взгляд через зеркало заднего вида.

– Да? С Белоснежкой, конечно, не понимаешь. Но я-то старая женщина и помню времена, когда ты понимал...

– Закружили тему, – поспешно перебил ее Саша. – Извини, тупо получилось: ты можешь говорить о погибшем муже, не пытаясь придушить меня при этом шлангом, а я... Не могу и все.

– Ничего страшного, я понимаю.

– Что ты там понимаешь?

– Что тебе сейчас больнее.

Глава 6. Заварной крем

В этой квартире жил кто угодно, кроме ее владельца. Здесь обитали члены жюри международных премий, оставившие напоминания о себе дипломами и медалями. Тут отметились редакторы престижных журналов – прекрасно оформленные обложки их творений были развешаны на стенах. Фотографии тоже попадались, но даже на них хозяин квартиры был не центральным элементом, а лишь связующим звеном, таким же важным, как все остальные.

Леле казалось, что она попала в музей. Она, как замороженная, рассматривала все эти снимки, на которых ее дед стоял рядом с людьми, известными всему миру. Он казался таким же скучающим, как обычно. Они с удовольствием жали ему руку и порой даже приобнимали за плечи. Какая это, должно быть, шикарная жизнь – яркая, насыщенная... и бесконечно далекая от того, что привычно Леле. Это было странное ощущение: Леля понимала, что она вроде как частица этого человека, она с ним связана просто по праву рождения. Но они представлялись такими разными, что указывать на это подобие было попросту стыдно.

Как и в любом музее, здесь были свои тематические выставки. На кухне хранилась посуда со всего света: от мисок, вырезанных из деревьев с другого континента, до фарфоровых чашечек, тонких, как розовые лепестки. Такие и трогать было страшно, не то что пить из них!

В гостиной висели картины, написанные художниками из Африки, Индии и Европы. В шкафу можно было найти национальные наряды нескольких стран – явно подарочные и очень дорогие. Леля понимала, что в шкаф ей лезть не полагалось, но кто тут удержится?

При такой пестрой коллекции квартира рисковала казаться захламленной, однако этого удалось избежать – дизайнер постарался. Мебель при таком скоплении сувениров была предельно простой и очевидно дорогой. Леля ни в одном доме подобного не видела, не знала, как называется этот стиль, да и не надеялась разобраться.

Когда первая волна удивленного восхищения схлынула, Леля почувствовала обиду и неловкость. Неловкость была связана с самой Лелей. В этой идеальной квартире человека, который достиг всех своих целей, она, нежеланная гостья, казалась очевидно чужеродным элементом. Леля чувствовала себя пятном на музейном экспонате – со своими потрепанными джинсами и увешанным значками рюкзаком. Никто не говорил, что ей здесь не место, однако это чувствовалось сразу. Пройдя мимо зеркала, Леля обнаружила, что невольно сжимается, ей хотелось стать маленькой и незаметной, в идеале – невидимой. Она впервые подумала о том, что переезд сюда мог оказаться не такой уж хорошей идеей.

Ну а обида была связана с тем, что в этой огромной дорогой квартире не нашлось места Леле и ее семье. Да, ей позволили пожить в гостевой комнате. Но Леля все равно была тут посторонней – а должна была оставаться постоянно незримым присутствием, именем, которое помнят. Разве не полагалось людям, связанным кровью, любить друг друга по умолчанию? А если да, то почему же среди этих снимков успешных людей и далеких стран не нашлось хотя бы маленького уголка для фотографии Лели и ее мамы? Хотелось бы видеть и папу, но это ладно, дед никогда не скрывал, что не любит его... А свою дочь и внуку должен любить? Или это все-таки так не работает?

Леля попробовала спросить его об этом напрямую тем же вечером. Дед, привычно хмурый, посмотрел на нее так, будто с ним неожиданно пончик заговорил.

– Зачем мне ваши фотографии? Я вас и так на улице узнаю, не переживай.

– Узнаешь и сразу же перебежишь на другую сторону улицы, даже если это скоростное шоссе, где перехода отродясь не было, – проворчала Леля. Она обвела рукой собранные в квартире снимки. – А этих людей ты разве не узнаешь?

– Я храню их здесь не ради узнавания и уж тем более воспоминаний. Это часть моей работы.

– Фотки?

– Атмосфера, – уточнил дед. – Тележурналисты порой более назойливы, чем ты. Если они затеялись получить интервью, их ничто не остановит. Для этого и должна сохраняться правильная атмосфера.

– Ты хотел сказать «настойчивы», а не «назойливы», да?

– Нет.

Дед всегда говорил с ней спокойно, ровно, и придаться было вроде как не к чему, но частенько после разговоров с ним хотелось банально разреваться – как в детстве, когда для этого не нужна была никакая причина. Леля сдерживалась лишь потому, что знала: ни к чему хорошему это не приведет. Мама ведь предупреждала, что не нужно ни на что надеяться и уж тем более затевать грандиозные планы примирения. Деда следовало воспринимать как необходимое обстоятельство и по возможности не беспокоить.

А Леля так не могла. Ей казалось, что эти дни, проведенные вместе – не случайность, это шанс, который нельзя упускать.

Первый раз она попробовала привлечь его внимание, сняв видеообзор квартиры со своими комментариями. Получилось очень даже смешно и ярко. Дед посмотрел ролик с таким же невозмутимым видом, как по утрам смотрел прогноз погоды, и отказался отдавать Леле телефон, заявив, что она занимается ерундой. Понадобилось сообщение маме и полчаса выяснения отношений, чтобы гаджет все-таки вернули.

Второй попыткой стал прогул занятий в школе. Обычно Леля такого не делала, а тут девчонки пригласили ее с собой, и она сразу же согласилась. Потому что в этом было что-то бунтарское. Вдруг деду как раз такое интересно? Сам он по жизни не то, чтобы бунтарем был, но всегда поступал так, как ему хочется.

И все снова закончилось получасовыми воплями мамы, только не на деда, а на Лелю. Дед же на сообщение о прогулах отреагировал, как смиренный мученик, которому поручили обучить макаку алгебре.

– Оставь его в покое, – под конец устало сказала мама. – Это все бесполезно.

– Я не понимаю, о чем ты, – буркнула Леля.

– Елена, хватит. Я прекрасно знаю, что ты делаешь.

– Откуда ты можешь знать?

– Потому что я в твоём возрасте делала то же самое – и многое, многое другое. Папа, он просто... Ну вот такой. Бывают такие люди, их нужно принимать как стихийное бедствие. Если тебе одиноко, мы можем вернуться раньше, солнышко.

– Нет, вы что! – испугалась Леля. Портить родителям поездку она точно не хотела. – Все будет в порядке, я обещаю.

Обещание было несколько наивным. Леля все равно не готова была принять равнодушие деда, ей хотелось, чтобы он вышел из режима робота и показал хоть какие-то человеческие эмоции. Не обязательно признание, раз уж такое невозможно – но хотя бы искренний гнев, тоже неплохо. Тот, на кого гневаются, имеет значение...

Однако дед был верен себе, большую часть времени он проводил на работе и свой долг считал выполненным, если Леля была накормлена и при деньгах. Ей же порой хотелось сорваться чуть ли не на детскую истерику: стекла разбить или выбросить вон все эти медали. Сделать гадость – но гадость, несущую послание. Я здесь. Я есть.

Пока Леля сдерживалась, она пыталась добиться своего цивилизованным путем. Вот и сегодня ее отпустили из школы пораньше, и она решила провести в огромной квартире деда генеральную уборку. Хотя вряд ли он и такие усилия заметит, в доме всегда было чисто. Но вдруг? Ей ведь больше ничего не оставалось...

Так что Леля старательно вычищала шваброй далекие углы от любого возможного проекта паутины и злилась на саму себя. Из-за этого движения получались нервными, резкими,

и Леля едва все не испортила, когда швабра выскользнула из рук и рисковала сбить со стены драгоценные фотографии, которые были частью рабочей атмосферы, а вовсе не заменой семьи. Девочке лишь в последний момент удалось изменить траекторию полета неожиданного снаряда. Швабру это не умирило, она все-таки стукнула, но уже не по фотографиям, а по изящной кованной ручке двойных дверей, закрывающих антресоли. В квартире деда даже такие мелочи служили украшением.

От удара дверца чуть приоткрылась, и Леля обнаружила, что внутри собраны какие-то коробки и свертки – явно старые, даже скопившие чуть-чуть пыли, которая в этой квартире казалась почти святотатством. Заинтригованная, Леля притащила из гостиной высокий стул и кое-как забралась наверх.

Полностью осмотреть антресоли она не могла даже так, роста не хватало. Ей оказались доступны лишь ближайшие коробки, но уж их-то она готовилась изучить во всех подробностях. А что такого? Дед ей ничего не запрещал!

Первая же коробка, которую Леля спустила вниз, оказалась тяжелой и мелодично звенела. Уже это внушало определенную надежду – оправдавшуюся парой секунд позже. В коробке хранились стеклянные елочные игрушки, бережно завернутые в помятые и пожелтевшие от времени листы газет.

Такого Леля точно не ожидала. Сколько она себя помнила, дед всегда твердил, что елочные игрушки – напрасная трата денег и ресурсов. Хочешь чем-то украсить дерево – повесь детские игрушки, все равно без дела валяются! А лучше вообще никаких. Все равно скоро убирать. Но прямо сейчас перед Лелей будто сундук с сокровищами открылся, игрушки из этой коллекции собирали годами. Тонкое стекло, отвечающее на каждое прикосновение нежной мелодией перезвона. Сияющее золото, перламутровые переливы красок. Тонкие балерины, присыпанные снегом домики, отважный толстенький космонавт. Такое больше не купишь – разве что на каких-нибудь аукционах... А тут игрушки не просто покупали, их сберегали: заворачивали сначала в папиросную бумагу, потом – в газеты, а слои в коробке перекладывали ватой, чтобы наверняка сохранить хрупкое стекло.

Неужели дед мог когда-то быть таким? Или не дед? Изучив газеты повнимательней, Леля обнаружила, что изданы они все были задолго до ее рождения. Хотелось расспросить про елочные игрушки маму, но Леля слишком хорошо понимала, что та сразу бросится звонить деду, есть у нее такая привычка. Значит, разбираться с находкой предстояло самостоятельно, однако пока вариантов не было, и девочка решила отложить свой трофей и сосредоточиться на второй коробке.

Та оказалась не менее интересной. Внутри Леля наконец-то нашла фотоальбомы, не связанные с работой – и все равно очень странные. Такие же завораживающие, как игрушки, девочка такого прежде не видела. Каждый из альбомов был большим, с плотными картонными страницами и обложкой, обитой плюшем, вишневым и светло-голубым. Одна обложка обозначалась емким словом «Фотоальбом», на другой золотым тиснением было выведено «На добрую память».

Внутри были собраны черно-белые и серо-бежевые фотографии, порой такие старые, что лица людей едва удавалось рассмотреть. Хотя большой потерей это не стало, Леля все равно видела их впервые. Она лишь по одежде могла догадаться, что жили все они очень давно – раньше деда, о маме и говорить не стоит.

Все фотографии аккуратно крепились к альбомам за уголки – иногда с помощью клея, а иногда через разрезы в картоне. Леля наугад выбрала снимок, который не был приклеен, перевернула и обнаружила на обратной стороне надпись, выведенную поразительно красивым почерком: «Володя и Наташа, сентябрь, 1923 г.».

Пара, изображенная на фото, казалась сумрачно серьезной. С такими лицами они, несмотря на молодость, тянули не на Володю и Наташу, а на каких-нибудь Владимира Пав-

ловича и Наталью Сергеевну. Сразу чувствовалось: портретная фотосъемка для них – целое событие.

Подпись не дала толковых подсказок, и теперь Леля вглядывалась в лица, пытаясь найти в них знакомые черты. Безрезультатно, конечно. Быстрый просмотр альбома ничего не дал, а на детальный она не стала тратить время. Леля пока не была уверена, что за обнаружение этих вещей дед не вышлет ее из квартиры куда-нибудь подальше – например, в Сибирь.

Кроме альбомов, в коробке хранились письма в прямоугольных конвертах – такие старые, что бумага стала желтой и очень мягкой, готовой порваться от любого неосторожного прикосновения. Текст был выведен разными почерками, почти всегда – чернильными ручками, и часть строк от этого не пережила испытание временем, расплылась или выцвела. От стопки писем пахло старой, давно заброшенной библиотекой.

Леля ожидала, что на этом все и закончится, однако на дне коробки хранился еще один сюрприз – большой блокнот с истертой обложкой. В него кто-то аккуратно записывал рецепты. Судя по состоянию блокнота, пользовались этой импровизированной кулинарной книгой очень часто.

Кому такое могло принадлежать? Не маме так точно – мамины кулинарные способности не простирались дальше яичницы, кухней в их доме владел папа. Да и не оставила бы мама свою кулинарную книгу у деда на антресолях, глупость какая-то. Бабушке? Но у бабушки почерк был такой, будто тараканы наступили в краску, а потом сплясали вальс на бумаге, Леля прекрасно помнила это по всем поздравительным открыткам. Получается, это книга дедовой матери, а то и вовсе бабушки... Об этих родственниках Леля не знала ровным счетом ничего, они остались двумя неясными силуэтами, спрятанными за туманами времени.

Чем дольше она листала книгу, тем четче понимала, какое сокровище ей досталось. Леля впервые получила то, что было связано с прошлым деда – и было важным для него! Она держала в руках осколок той его жизни, в которой он не был суровым и от всего уставшим. Тут открывалось внушительное пространство для сюрприза... может, для настоящего новогоднего чуда!

Но для того, чтобы все получилось, Леле нужно было действовать осторожно. Она еще раз пролистала всю книгу и нашла разворот, где текст был совсем бледным, а переплет чуть разошелся – значит, это место чаще всего закладывали чем попало, чтобы книга не закрылась в самый ответственный момент. Это был любимый рецепт, важный, определенно имеющий значение.

Рецепт рассказывал о том, как приготовить торт с заварным кремом. Ничего подобного Леля еще не пробовала, хотя и готовила лучше, чем мама. Вряд ли получится сразу, придется потренироваться, однако расписано все было подробно и понятно – должно получиться! Поэтому Леля быстро сфотографировала нужный рецепт на смартфон, собрала свои находки обратно в коробки и убрала на антресоли.

Когда дед вернулся, Леля сидела в выделенной ей комнате, обложившись учебниками и тетрадями. Она смотрелась настолько образцовой ученицей, что даже он не выдержал.

– Что ты сделала? – поинтересовался дед.

– Математику. Теперь делаю русский.

– Остроумно. Если я выйду во двор, я не обнаружу возле мусорных баков труп твоего школьного директора?

– Так весь смысл в том, чтобы никто его никогда не обнаружил, – ухмыльнулась Леля. – Дед, перестань сбивать меня с пути исправления! Я хочу войти в Новый год на позитиве, вот! Разве это так плохо?

– Это вообще не плохо, просто не правдоподобно. А впрочем, поступай как знаешь. Скоро вернутся твои родители, и ты снова станешь исключительно их ответственностью.

Глава 7. Колокольчик

Вечером был запланирован концерт, и это радовало. Музыка становилась для Юны центром всего, затмевала остальное, уносила страх и боль. Мир снова казался понятным и прекрасным. Жизнь превращалась в праздник для всех – и Юна дарила этот праздник, у ее существования появлялся смысл.

Жаль, что музыка не могла длиться вечно. Были еще периоды между концертами – пустые дни, бессонные ночи. Вот тогда Юне нужно было придумывать, как отвлечься. Сегодня, например, она решила отправиться в магазин игрушек.

Решение это оказалось правильным. Здесь, в мире непрекращающегося веселья, Юне нравилось все: очарование улыбчивых, беззаботных персонажей, громоздившихся на полках, мелодии из старых мультфильмов, дети с сияющими глазами – для малышей Новый год по-прежнему был сказкой. В ярко освещенных залах еще сохранялась искренняя радость, которой хотелось проникнуться, дышать ею, оставить себе.

К тому же, здесь можно было бродить часами, не вызывая подозрения бдительных продавцов. Магазин оказался огромным – с несколькими отделами и целым лабиринтом полок. Юна с искренним любопытством разглядывала города и замки, собранные из конструктора, наблюдала, как проезжает мимо станций винтажный паровоз, удивлялась многообразию плюшевой армии. Временами она делала вид, что разглядывает какую-нибудь игрушку, а сама украдкой следила за детьми, которые что-то объясняли родителям. Ей нравилось видеть, как любопытно внешность меняется в следующем поколении, как под влиянием атмосферы магазина игрушек раскрываются уже выросшие мальчики и девочки, вспоминающие, о чем они сами когда-то мечтали.

Здесь Юне было очень легко отстраниться от самой себя и сосредоточиться на них – но ровно до тех пор, пока эти люди оставались незнакомыми. Когда же вдалеке мелькнули прекрасно известные ей черты, Юна невольно вздрогнула и чуть не уронила улыбающегося ей зеленого пупса.

Она понимала, что ее это не касается – даже если ей не почудилось и впереди действительно прошел знакомый ей человек. Это знакомство ни к чему не обязывает его, они не виделись – сколько? Сто лет. На самом деле год, конечно, но ощущается как век. Он не следил за Юной, он пришел сюда случайно, так совпало, он ее даже не заметил. В огромном магазине хватит места всем, они разойдутся, не встретившись, если она приложит хотя бы минимальные усилия.

А постараться ей как раз следовало, ей не нужна была эта встреча. Пусть бы и век прошел, ничего по-настоящему не изменилось. Есть люди, которые становятся ключом: отпирают двери памяти, выпускают монстров. Вот и перед Юной прошел такой же человек, а она, вместо того чтобы развернуться и уйти, двинулась следом – осторожно, как кошка, крадущаяся за птицей. Надежно прикрытая стенами разноцветного плюша. Все равно напряженная настолько, что по венам будто электричество полилось.

Он остановился там, впереди, и она замерла, присмотрелась – через прикрытие из плюшевых ягод клубники. Увидела красивую пару. Мужчина, высокий, светловолосый, широкоплечий. Точеная женщина рядом с ним. Он опирается на большую тележку, в которой уже лежат какие-то коробки. Она со смехом показывает ему белоснежного медведя.

Это была картина из правильного мира – такого, каким он и должен быть. Из реальности, где красивые молодые родители заранее подбирают подарки для своих красивых детей. Юне полагалось радоваться за них, а в груди неприятно кольнуло. Попытка упрекнуть себя за это лишь усилила боль – будто бензина в костер плеснули... Юна понятия не имела, почему

продолжает смотреть. Может, в надежде на то, что боль достигнет определенного предела и исчезнет, образуется иммунитет?

Однако стало только хуже. Мужчина будто почувствовал на себе ее взгляд, растерянно оглянулся по сторонам, сам не зная, что ищет. Он не мог увидеть ее, Юна не сомневалась в этом, а все равно отпрянула. Она быстрым шагом направилась прочь, радуясь, что резиновые подошвы ботинок скрывают ее шаги. Боль в груди все не проходила, и девушке казалось: если она, Юна, не выйдет на улицу как можно скорее, то попросту задохнется здесь, ее только свежий морозный воздух и мог спасти.

Попасть к главной лестнице она никак не могла, для этого пришлось бы пересечь большую открытую площадку, на которой ее легко было заметить. Что тогда? «Юна, подожди! Это же ты? Здравствуй!..» И натужная улыбка. И неловкие слова. Нет, спасибо. Уж лучше нож под ребра, чем одно такое «здравствуй» или, того хуже, «Познакомься, а вот это моя...»

К счастью, Юне не обязательно было проходить через это. Она неплохо знала магазин, помнила, где находятся боковые выходы, и один располагался в удачной близости от отдела с плюшевыми игрушками. К нему она и двигалась, ускоряя шаг, хотя необходимости в этом не было – никто за ней не гнался. Сотрудников магазина она наверняка насторожила: то ходила расслабленно, то вдруг ракетой припустила к лестнице. Они напряглись, подкрались ближе к рамке, чтобы перехватить подозрительную женщину при первом же писке датчиков, обличающих воровство. Но рамка Юну оправдала, подтвердив, что гражданочка ничего не крада – просто городская сумасшедшая. Бывает. Провожаемая сочувствующими взглядами, Юна проскочила дверь на лестницу.

Здесь ей полагалось почувствовать себя в безопасности: теперь она точно была укрыта от любых взглядов. Однако легче не стало и чувство того, что ей не хватает воздуха, сохранилось. Оно погнало ее вперед, заставляя двигаться так быстро, что она рисковала в любой момент оступиться и рухнуть вниз. Зрение стало туннельным, Юна не обращала внимания на отделы, которые она пробегала, значение имели только ступеньки – и дверь, манившая свободой.

Дверь была массивной и тяжелой, поэтому, чтобы побыстрее попасть на волю, Юна сразу же навалилась на нее всем телом. Отчасти решение было верным: дверь действительно распахнулась быстро. Вот только ощущение, будто Юна осталась наедине со всем миром, оказалось обманчивым. По ту сторону двери как раз стояла женщина, которая такую внезапную встречу определенно не оценила.

Женщина была невысокой, худощавой и пожилой – лет семидесяти, не меньше. Дверью ее не задело – и это хорошо, потому что дверь наверняка весила раза в три больше, чем потенциальная жертва. Однако на незнакомку налетела Юна, убежденная, что ее сейчас примет в объятия свободное пространство. При столкновении Юна почувствовала себя скалой, по которой стукнул бумажный самолетик. Она удержалась на ногах, а вот пожилую женщину откинуло назад, и лишь вовремя оказавшийся рядом сугроб спас ситуацию от печальных последствий.

Это столкновение все равно нельзя было назвать мелочью. От смущения Юна даже позабыла, с чего все началось, боль и страх отступили сами собой. Сначала она откапывала женщину из сугроба, потом кое-как устанавливала ошалевшую старушку на ноги. Пока пострадавшая пыталась проморгаться и понять, что происходит, Юна наматывала вокруг нее круги, собирая выпавшие из сумки вещи. Все это – с непрекращающейся печальной песней извинений.

Вещи у женщины оказались нехитрые: пара кошачьих игрушек, пять пакетиков корма (лосось и ягненок в белом соусе), ничего такого, что пострадало бы от снега, хоть в этом повезло.

Когда пожилая женщина наконец поняла, что происходит, Юна дошла до юбилейного сотого «извините».

– Ничего страшного, милая, – растерянно улыбнулась старушка. – Совершенно ничего плохого не случилось!

От этого должно было стать легче, но смущение лишь усилилось. Если бы женщина вдруг превратилась в проклинающую всё и всех бабу, разойтись с ней было бы проще, а так Юна отчаянно искала способ искупить вину, однако пока безуспешно.

– Даже не знаю, чем я думала, – развела руками Юна.

– Вы как будто убегали от кого-то.

– Я... Нет. Я ни от кого не убегала.

И это прозвучало вполне убедительно, потому что за все время, прошедшее после столкновения, никто из магазина так и не появился. Ну а то, что сложнее всего убежать от себя, Юне сейчас обсуждать не хотелось.

– Хотите, я помогу вам? – предложила она.

Предложение было неискренним: если бы пожилая женщина потребовала зайти с ней в магазин, Юна бы удра. Однако та лишь покачала головой:

– Я хотела кое-что докупить, но это не срочно... Видно, судьба намекает, что не нужно тратить деньги на всякую ерунду!

– Тогда давайте я провожу вас до дома, – настаивала Юна.

– Мне сейчас не нужно домой, мне нужно в парк. Но вы не обязаны тратить на меня время, я вполне уверенно свою на ногах.

– Когда на вас не налетают всякие психи – охотно верю! И все же позвольте мне.

– Если вы никуда не спешите, – улыбнулась пожилая женщина.

Нырнувшая в сугроб незнакомка оказалась Светланой Сергеевной. Отработав много лет школьным учителем, она уже давно вышла на пенсию, а потому могла позволить себе прогулки по магазинам и паркам в будние дни. Слушая ее, Юна невольно размышляла о том, что учительский тон – это пожизненное наследие. Но не требовательный, нет, мягкий, почти распевающий, заставляющий прислушиваться и запоминать. Светлана Сергеевна была человеком удивительно спокойным. Она словно сдала норму переживаний, отмерянную на жизнь, и теперь на все смотрела философски. Поэтому и столкновение с Юной возле двери она восприняла без скандала. Какой смысл скандалить, если время это назад не отмотает и падения в сугроб избежать не позволит?

– Вы могли бы наорать на меня просто профилактически, чтобы я больше не летала по городу пушечным ядром, – заметила Юна.

– Не было смысла. Вы сами винили себя больше, чем я могла вас обвинить. Ничто так не накажет человека, как его совесть. А если совести нет, любые крики и упреки бессмысленны.

Идти в парк Светлана Сергеевна собиралась в поисках кота. С котом этим у нее были странные отношения: пожилая женщина не называла его своим, но признавала, что он уже давно живет у нее дома. Насколько удалось разобраться Юне, кот изначально был бродячий – и бродяжничеством своим весьма довольный. Из тех крупных хвостатых бандитов, которых боятся и крысы, и вороны, и даже дворники.

Но однажды в особо морозную зиму Светлана Сергеевна пустила его к себе – и он предпочел остаться. Кот словно почувствовал, что недавно у пожилой женщины трагически погиб сын, и она маялась, неприкаянная, во внезапно опустевшей квартире. Зверь, дикий на своей территории, в квартире вел себя на удивление спокойно, словно только тут всегда и жил.

С годами установился странный график их визитов. В теплый сезон кот шатался по парку, а Светлана Сергеевна заглядывала к нему в гости, и тогда он подходил поближе, позволял себя погладить, даже ворковал, очень тихо, так, чтобы никто больше об этом не узнал. Зимой же он приходил сам, на специально для него обустроенную подстилку у батареи.

– Но ведь сейчас зима. Почему тогда он не с вами, а вы идете к нему в парк? – удивилась Юна.

– Так уж получилось – все никак его дозваться не могу. Вот уже и игрушки новые купила, и еду ему ношу... Просто жду и все. Он такой, свободолюбивый... Колокольчик.

– Колокольчик? Это его так зовут?

– Его никак не зовут, – покачала головой Светлана Сергеевна. – Имя для зверей – блажь человека. Но так зову его я, а он мне позволяет.

– Почему именно Колокольчик?

– Когда он впервые попал ко мне, у меня уже стояла елка... Я думала, от этого станет легче, но стало только хуже. Я была даже признательна ему, когда он эту елку опрокинул. Ему же нужен был колокольчик с елки, это его игрушка с тех пор была. Колокольчик и сейчас лежит на его подстилке, ждет его.

Юна провела случайную знакомую в парк. Там выяснилось, что к своим прогулкам Светлана Сергеевна готовилась обстоятельно – помогал опыт. Обнаружив расчищенную от снега лавку, пожилая женщина постелила на нее плотный плед, на землю поставила миску, теперь наполненную кошачьим кормом, положила игрушки. Когда подготовка была завершена, Светлана Сергеевна устроилась на лавке с небольшим термосом.

– Присоединяйтесь, – предложила она. – Вам стоит отдохнуть.

– Да я не устала...

– Думаю, если бы вам это не было нужно, мы бы с вами не столкнулись вот так.

Усталости Юна действительно не чувствовала, но решила все же остаться. Во-первых, ей было любопытно, как выглядит кот с повадками бандита и нежным именем Колокольчик. Во-вторых, рядом со Светланой Сергеевной было спокойно. Без какой-либо конкретной причины, казалось, что спокойствие просто наполняет воздух и становится общим.

Парк в будний день пустовал, блестел белым снегом, хрустел под шагами редких прохожих. Вокруг был лишь прекрасный мир – а кота не было. Юна, как ни всматривалась в черно-белый пейзаж, не могла уловить ни намека на движение.

Светлана Сергеевна заметила ее усилия.

– Не старайтесь, милая, не обязательно, что он придет сегодня. Я его давненько жду.

– Но вы все равно уверены, что он появится?

– Появится, конечно. Должен, он и раньше пропадал надолго. Мне несложно ждать – что мне еще делать? Я успею прочитать все книги и посмотреть все фильмы, которые меня интересуют. Время, проведенное наедине с природой, много дает.

– А если он опять не придет, что тогда?

– Оставлю еду здесь, пригодится ему или другим котам. Игрушки заберу, потом снова принесу. Мне это не сложно.

Юне хотелось, чтобы кот пришел сегодня. В этом было бы что-то логичное – в необъяснимом, почти мистическом смысле. Он должен был появиться в день, когда его терпеливая хозяйка пострадала на пути к нему, а Юна впервые пошла с ней в миг, когда неплохо было бы уверовать в чудо...

Но кота не было и чуда не было. Темнота постепенно сгущалась над парком, зажигались первые круглые звезды фонарей. Остаться и дальше Юна не могла: тогда она опоздала бы на концерт, об этом уже напоминали сообщения, прилетающие на телефон.

Светлану Сергеевну ее отступление не обидело. Пожилую женщину и теперь ничем невозможно было смутить. Она признала, что побудет здесь еще немного, но скоро тоже уйдет. В заснеженном парке Светлане Сергеевне было так же хорошо, как в своей квартире, ее и здесь, и там питала надежда на то, что очень скоро она снова встретит единственное близкое существо, которое у нее осталось.

Юна тоже унесла с собой кусочек этой надежды, так было проще получить разрешение на уход от своей совести. Однако покинуть парк она так и не успела: ее окликнула женщина из кофейни, небольшого деревянного домика, стоящего у начала аллеи.

– Девушка! А, девушка, подойдите сюда!

Поскольку других девушек поблизости не наблюдалось, Юне пришлось свернуть в сторону и приблизиться к кофейне.

– Что-то случилось?

– А вы это... Не родственница часом нашей старушке-кошатнице? Первый раз ее с кем-то вижу!

– Светлане Сергеевне?

– Я не знаю, если честно, как ее зовут... Она как-то говорила, но я не помню. Как будто тут так много вариантов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.